

П.А.ГРЯЗНЕВИЧ

**В ПОИСКАХ
ЗАТЕРЯННЫХ
ГОРОДОВ**

ЙЕМЕНСКИЕ
РЕПОРТАЖИ

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1978

91(И5)

Г92

ОТ АВТОРА

Ответственный редактор
О. Г. ГЕРАСИМОВ

В этой книге рассказывается о нескольких эпизодах из моей жизни в Йемене (ЙАР), связанных с поисками памятников древней цивилизации, существовавшей в Южной Аравии со II тысячелетия до н. э. до VI в. н. э. В основе ее лежат материалы путевых дневников, а также беспорядочные записи, которые я стал делать сразу же по возвращении в Ленинград, чтобы хоть немного освободиться от переполнявших меня воспоминаний.

Это, конечно, не записки ученого-археолога или специалиста в области южноаравийской эпиграфики. Мои собственные научные интересы другие. Хотя я и историк по профессии, но я никогда не привыкну называть памятниками те сказочные руины древних городов, которые мне удалось увидеть в Йемене, или надписи, которые я там нашел. И еще — мне дорога в той жизни не радость первооткрывателя научного материала, а бескорыстное волнение, которое охватывало меня всякий раз, когда я вдруг видел — а это всегда было неожиданно — настоящий древний город со стенами, башнями или надпись с изящными и правильными, как в школьной прописи, очертаниями букв. Люди, которые ехали со мной туда, — проводники, охрана, случайные попутчики — часто были для меня интереснее самих находок. И обстоятельства, приводившие нас к этим памятникам, имели свою ценность.

В конце концов все есть история — и то, что когда-то было, происходило и творилось, и то, как об этом узнавали потомки. Человеческая история едина.

Описанию научного материала по археологии, истории, культуре и исторической географии древнего и средневекового Йемена, собранного во время

Г92 Грязневич П. А.
В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

344 с. с ил. и карт.

Книга основана на дневниках, которые автор вел, находясь в Йемене (ЙАР). В поисках затерянных среди песков и в горах руин древних городов и крепостей, хранящих памятники великой сабейской цивилизации, он объехал большую часть страны, побывал в не обследованных еще районах. О находках замечательных памятников древности, о драматических эпизодах, пережитых автором во время поездок, о людях, их быте, природе Йемена, о его прошлом и сегодняшних буднях рассказано в этой книге.

Г 20901-027 52-78
013(02)-78

91(И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

моих поездок по стране, посвящено академическое издание в двух томах, коллективная работа советских сабеистов «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры» (М., 1977).

Здесь же мне хотелось рассказать о том, что обычно не попадает в научное описание: о буднях полевой изыскательской работы, предшествующей началу собственно археологических раскопок. Об этом, между прочим самом романтическом этапе в археологии и истории, знают меньше всего и быстрее всего забывают.

Науку не слишком интересуют «леса» вокруг ее построек. Но они всегда интересны людям. И я хотел рассказать о пережитом за дни, проведенные в поисках памятников древней истории и культуры Йемена, о моих спутниках, которые делили со мной все тяготы дорожной жизни, больше догадываясь о конечном смысле наших поисков, чем понимая его, не разделяя вполне моей радости, что нашим трудом сделано полезное для всех.

В начале ноября 1965 г. я выехал в Йемен в качестве переводчика группы советских врачей. Моя сослуживица, прежде исполнявшая эту обязанность, рекомендовала меня себе на смену. Как-то весной мне позвонили из Министерства здравоохранения СССР, и судьба моя решилась.

Прошли месяцы, недели, дни... Я сдаю последние книги в библиотеку. Так непривычно видеть пустым свой рабочий стол. Я вдруг осознаю, что со мной прощаются. Значит, я действительно уезжаю! Мы то и дело смотрим на карту, и прощание кажется шуткой: Южная Аравия! Но вот медленно отходит платформа с провожающими. Мне машут... Я еду в Йемен!

Как оказалось, то, что я знал о Йемене, было почти сплошь легендой. Я вычитал ее из книг, и она-то и была для меня Йеменом. То, что я увидел, почти совсем не походило на то, что я ожидал. Это напоминало сватовство по переписке.

Такова, наверное, судьба всех книжников. А я был книжником — вырос книжником и получил книжное образование. Реальный Восток еще не вторгался

в тот книжный научно-литературный Восток, о котором мы узнавали в университете в 40-х — начале 50-х годов. Почти все наши преподаватели добились известности в науке, так и не побывав в странах, которые изучали. Не удивительно, что мы невольно жили романтическими представлениями о вполне реальном мире, расположенном на юге и только по традиции именуемом Востоком.

По этой причине из всех арабских стран для работы я выбрал именно Йемен. В фольклоре многих восточных народов зачину наших сказок «В некотором царстве, в некотором государстве» соответствует «Было не было, жил в стране Йемен один царь!»

Главной среди книг о Йемене были для меня удивительно человеческие, несколько романтические записки французского врача Клоди Файен, необыкновенной женщины, участницы Сопrotивления, на 40-м году жизни вдруг почувствовавшей, что ей нужно съездить в Йемен, чтобы дальнейшая жизнь не потеряла своего сокровенного смысла. Я прочитал ее записки, уже сделал выбор, и они дали содержание и форму образу, готовому сложиться в моем воображении. Они помогли мне не отшатнуться от реальности, которую я увидел, они сделали йеменцев сродственными моей душе. И я не разочаровался.

В Йемене я встретился с Клоди Файен. Удивительно, насколько точно она сумела выразить себя в своей книге. Она жила в центре Саны, снимала третий этаж в старинном доме с цветными витражами, с белыми обводами вокруг окон. В комнатах, за исключением столовой, все было убрано по-йеменски, без мебели. Мы проводили вечера за разговорами, сидя на тюфяках, покрытых разноцветными паласами. Она рассказывала о своих странствиях по Южной Аравии, и я, уже сам повидавший многое, снова видел этот мир ее глазами.

Мы стали друзьями и были союзниками в страстях «дипломатической войны», сопровождавшей первые шаги моей работы по организации Национального музея Йемена в Санае. Клоди Файен своими силами и частично на собственные средства создала в нем богатый отдел этнографии Йемена — главное дело

ее жизни. Мы совершили вместе несколько поездок по стране, часто удачно дополняя друг друга в знаниях.

В 1965—1967 гг. я работал переводчиком в Республиканском госпитале г. Таизза. Климат в Таиззе прекрасный: город расположен в горах, и поэтому даже летом аравийское солнце не изнуряет так, как в Тихаме, на побережье Красного моря, или на центральном плато, не говоря уже о пустыне на востоке. И даже если днем, особенно в июне или июле, жар, пылуший с неба, от раскаленной каменистой земли и от каменных домов вокруг, делает человека из северных краев вялым и бесчувственным ко всему, то все искупает сладостная прохлада по вечерам и в утренние часы. Тогда вдруг ощущаешь необыкновенную энергию и потребность сделать что-то в высшей степени доброе и замечательное. Я это видел и в других людях.

Больше двух лет я провел в больничных палатах. Вряд ли я смог бы узнать о Йемене и его людях и малую долю того, что открылось мне в больнице на ежедневных обходах, на амбулаторных приемах и особенно во время поездок по вызовам на дом. Страдающий человек искренен и открыт другому, доверие к врачу в Йемене безгранично. В присутствии врача терпят силу все запреты, его не воспринимают как постороннего человека в доме. Врач поглощен больным все время, а у меня выдавались свободные минуты, чтобы посмотреть вокруг. Мне тяжело было чувствовать себя соглядатаем чужой жизни, и я целиком уходил в госпитальные заботы, стараясь быть помощником моим врачам. Временами удавалось забыть о своем академическом прошлом, и, признаюсь, я не страдал от этого. И если однажды оно все-таки позвало меня к «священной жертве», то инициатива исходила от самих йеменцев, не меньше исцеления жаждущих знания. Они вернули мне веру в жизненную ценность моей профессии.

Я начал заниматься историей Йемена, но прозвище «доктор Бутрус» (доктор Петр) так и осталось за мной.

...Один больной, вынужденный по тем условиям скрывать свое имя, доверился мне. Я помог ему, как помогал и другим. В благодарность он рассказал мне о себе. Когда-то он был учителем в начальных классах и любил историю. О древнем Йемене он рассказывал так, как будто открывал мне личную тайну. Его рассказы расшевелили мое воображение, и я затосковал по книгам.

Али Салих — так звали учителя — задел и мое самолюбие, когда я не сумел ответить на какой-то вопрос, касавшийся йеменских древностей. Тогда я открыл привезенные книги, и вот неожиданно не прочитанное явилось мне и совершенно новым, и необычайно увлекательным. А главное, то, что в них описывалось, было рядом. Мне захотелось увидеть это своими глазами.

Али Салих был добровольцем-партизаном в отряде Национального фронта освобождения, воевавшем в Южном Йемене против англичан и султанов. Он рассказывал мне о многочисленных надписях и развалинах в тех местах, где он сражался. Однажды, уходя в отряд, он вызвался сфотографировать мне эти памятники. Я дал ему фотоаппарат. Через месяц меня разыскал в больнице мрачного вида человек в клетчатой юбке и в чалме из хаки, какие носят партизаны на юге. Он передал мне сверток и сказал, что Али Салих был убит англичанами в перестрелке на обратном пути в Таизз. В свертке был разбитый фотоаппарат и перечень того, что он сфотографировал...

Два года с лишним я носил белый халат, который сам же стирал и гладил. И только по вечерам, когда шел в кино или в гости, либо в праздничные дни я надевал белую рубашку, галстук и весьма элегантные брюки, которые мне сшил крошечного роста портной на таиззском базаре. Он сшил их по английской моде, по рисунку и выкройкам, наклеенным на стене узкой каморки его ателье «Амбассадор».

К нему меня привел подслеповатый и застенчивый учитель из школы в г. Иббе. Фотографии этого города еще в начале века обошли многие популярные географические журналы мира, в том числе и России, заинтриговав не одного юного любителя чудесного. Тихим голосом учитель рассказал мне такое, от чего

впору оглохнуть: вблизи его родной деревни в горах есть руины древнего города, кое-где вокруг города сохранились стены, а в стенах — большие плиты, покрытые надписями. Внутри города осталось много разрушенных зданий, на земле лежат колонны, похожие на те, которые я показывал ему в книгах. Неподалеку от города в скалах вырублены пещеры с могилами царей и т. д. Он позвал меня поехать вместе с ним к этому городу и обещал добиться согласия властей и местных шейхов на эту поездку. Его отец — тоже шейх, а после его смерти это звание унаследует он.

Вскоре мне пришлось поехать в Сану, а вернувшись, я не смог уже разыскать моего знакомого. Но с того момента мысль о поисках древних руин и надписей захватила меня, как страсть.

Многие старались помочь мне разыскать затерянные среди песков и в горах памятники древнейшей культуры. Первым среди них я хочу назвать инженера-строителя Р. И. Чурина, возглавлявшего тогда группу советских специалистов-строителей в ЙАР. Под его руководством были построены три лучшие во всей Южной Аравии средние школы и первоклассный госпиталь в Сане — дружественный дар Советского Союза народу Йеменской Арабской Республики.

Р. И. Чурин обнаружил редкую самостоятельность характера и широту взглядов, представив машину и вызвавшись быть шофером ради того только, чтобы хоть ненадолго приобщиться к миру незнакомых для него интересов и проблем.

Вместе с ним я отправился в свою первую поездку, которая привела к интересным и важным научным открытиям. О ней рассказано в книге. За этой поездкой последовали другие, превратившиеся, по существу, в первую русскую историко-археологическую и эпиграфическую экспедицию в Йемен. Собранные тогда материалы составили содержание первого тома уже упоминавшегося издания «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры». По справедливости, на нем должно было бы стоять посвящение «Роману Чурину с признательностью от советских сабеистов».

В конце августа 1967 г. внутривосточный кризис в ЙАР вступил в конечную фазу. Общее напряжение в стране заставило меня прекратить поездки.

Через два месяца правительство президента ас-Саляля пало. Гражданская война, не прекращавшаяся с 1962 г., вспыхнула вдруг с небывалым размахом и жесточайшим. В октябре 1967 г. египетские войска покинули Сану и Таизз. Отряды, возглавляемые родичами бывшего короля Йемена — имама Мухаммеда аль-Бадра, ринулись на Сану. В первых числах декабря монархисты окружили столицу. Начался обстрел города. Иностранные миссии спешно эвакуировали персонал. Я уезжал с последней группой в конце декабря 1967 г., в канун Нового года. Все радовались благополучному возвращению домой, а я с горечью думал о рухнувших планах, о древних городах, которые не успел осмотреть, об оставленных друзьях, навсегда вошедших в мою жизнь.

Осенью 1970 г. я прилетел в Ходейду. Я все еще не верил тому, что произошло. Неужто я снова в Йемене?! Ничто не изменилось на пыльном пустыре ходейдинского аэродрома с того декабрьского утра, когда я улетал отсюда домой, твердо зная, что уже никогда не вернусь в эту страну, где жизнь моя неожиданно обрела новый смысл.

С аэродрома я ехал в автомашине с нашим генеральным консулом в Ходейде. Недалеко от города мы обогнали на шоссе велосипедиста. Консул попросил шофера остановиться. Когда велосипедист поравнялся с нами, консул вышел и заговорил с ним о чем-то, показывая на меня. Велосипедист — сухонький старичок в обычной йеменской одежде, с большим кинжалом в серебряном окладе — положил на сиденье велосипеда потрепанный портфель, вынул из него амбарную книгу и печать. Консул подал ему мой паспорт. Подышав на резинку, старик шлепнул печатью на паспортный листок, сделал несколько росчерков на нем и в амбарной книге и вернул паспорт консулу. Всё. С формальностями было покончено. Я въехал в Йемен. Сомнений быть не могло: так въехать можно только в Йемен!

На этот раз я приехал в новом качестве: не открывать неведомый мне мир, а работать в нем. Мои рассказы и научные доклады в Ленинграде о найденных

памятниках древнейшей цивилизации вызвали интерес. Я говорил о необходимости продолжить начатую работу, хорошо понимая, что это не более чем благое пожелание: в Йемене шла гражданская война. Но однажды я вынул из почтового ящика письмо с обратным адресом Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, из которого следовало, что мне нужно готовиться к новой поездке в Йемен.

По представлению академика Б. Б. Пиотровского, известного археолога и историка Древнего Востока, директора Государственного Эрмитажа, я был выдвинут кандидатом на стипендию ЮНЕСКО по программе изучения и охраны памятников истории и культуры. Б. Б. Пиотровский сразу оценил большое научное значение южноаравийского материала для исследования истории древневосточной цивилизации. Он настаивал на продолжении и расширении полевых работ по выявлению, научному описанию и изучению памятников древнего Йемена.

В извещении из штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже говорилось о том, что мне предоставлена стипендия и что я могу выехать в Йемен в удобное для меня время. По разным причинам это время не наступало для меня так долго, что я постепенно начал забывать об этом взволновавшем меня эпизоде с ЮНЕСКО.

Наконец я получаю приглашение прийти в гостиницу «Астория» на Исакиевской площади, и мадам Верье, представительница авиакомпании «Эр Франс», вручает мне билет на самолет Ленинград – Аден – Сана. Остановка в Адене была разрешена мне либо в награду за мое долготерпение, либо, и скорее всего, из-за устаревших сведений о воздушных путях в столицу Йемена: самолеты всех международных авиакомпаний, включая Аэрофлот, после Каира и перед Аденом теперь останавливаются только в Ходейде. И вот я летел до Адена, сделав часовую остановку в Ходейде, согласно билету, который никто не мог исправить, а уже потом из Адена назад, в Ходейду, следующим рейсом. Но я не протестовал.

...И все повторяется. Ночной Каир в огнях, полумесяц, как ладья, серые пески Нубийской пустыни, Красное море в белых барашках. Трехдневная оста-

новка в Адене, посещение Музея древностей с прекрасной коллекцией древнейших надписей, скульптур, украшений. И вот – Тихама. Йемен. Он все такой же. Красочный и шумный. Но вдруг я почувствовал, что мне нелегко будет увидеть мой дом под эвкалиптами в Таиззе и людные улицы в Сане, не встретив тех, без которых Йемен для меня будет уже другим.

Меня ожидала интересная работа. Научная программа была насыщена до предела. Меня ждали поездки, неисследованные края. Но все-таки что-то было потеряно. И на пустыре ходейдинского аэродрома я стоял таким непохожим на того растерянного от встречи с незнакомым миром человека, которого пять лет назад высадили в Таиззе с самолета, летевшего в Сану – сказочный город.

В Сану я приехал 12 ноября 1970 г., в самый разгар рамадана, месячного поста. В Адене пост как-то не слишком повлиял на ритм уличной жизни. В Ходейде я тоже не почувствовал спада деловой активности: на улицах было шумно, тяжелые грузовики с лентами на радиаторе катили от города к порту, из транзисторов лилась тягучая мелодия, и толстогубый йеменец на пороге лавки отбивал хлопками ладоней ритм и подпевал, покачиваясь. На базаре жили по-разному: часть лавок торговала, как обычно, на других висели тяжеленные замки. Но когда я проехал по дневной Сане, я понял, что до конца рамадана нечего и думать о серьезной работе.

На пустынных улицах ветер закручивал пыльные столбы. Они поднимали с земли обрывки бумаги, ломкие листья кукурузы и неслись с тротуара на дорогу, с дороги опять на тротуар, оседали или взвивались вверх, унося пыль и мусор в белесое небо. Грязные лохматые собаки спали кучками где попало – на тротуарах перед запертыми лавками и посередине дороги. Редкие в эти часы автомашины предпочитали объезжать их. Только в крайнем случае, когда никак было не втиснуться между разлегшимися собаками и стеной дома или оградой, шофер выскакивал из кабины и пинками расчищал себе путь. Собаки покорно поднимались, лениво делали несколько шагов и снова ложились, рыча друг на друга.

Вылые чиновники в приемных министерств на все вопросы меланхолично отвечали: «Баад рамадан» (После рамадана). Жизнь приходила в город только к вечеру, перед закатом солнца. Выстрел из пушки и разноголосые крики муэдзинов, различные городскими репродукторами, возвещали конец дневного поста, и с этого момента до глубокой ночи все улицы до самых крошечных переулков Саны заполняли шум и оживление. С наступлением сумерек повсюду вспыхивали лампы, в старых домах начинали светиться многокрасочные витражи, и жизнь в древней столице казалась приезжему бездумным карнавалом.

Миссия ООН в Йемене находилась в нелепом двухэтажном доме у обочины шоссе, за городской стеной, возле старинного кладбища, существовавшего еще во времена пророка Мухаммеда. На крыше дома и над всегда распахнутыми на пыльный двор воротами висел выцветший голубой флаг. Исполнение формальностей оказалось приятной процедурой из-за полного отсутствия каких-либо формальностей и непритворного дружелюбия, с каким меня встретили в миссии. Я был первым и единственным стипендиатом ЮНЕСКО, никто не знал, как со мной быть, и потому мне предоставили полную свободу действий. И уже совсем все показалось мне невероятным, когда Джон Кросс, ведавший хозяйством миссии, объявил, что в моем распоряжении будет большой лендровер с номером «ЮНЕСКО № 1».

В ноябре 1970 – мае 1971 г. обстановка в Йемене оставалась еще напряженной, несмотря на то что примирение между республиканцами и монархистами было достигнуто, в апреле 1970 г. военные действия были прекращены на всей территории Йеменской республики, а в мае в состав правительства вошли пять министров из числа вернувшихся в Сану монархистских лидеров. (Монархистом был и министр образования ЙАР, с которым мне предстояло находиться в постоянном общении. Теперь я с благодарностью вспоминаю его неизменно дружеское расположение ко мне. Человек широких взглядов, он отдавал себе отчет в важности археологического изучения Йемена и оказывал мне всяческую помощь.) Тем не менее не прекращались конфликты правительства с племенами

в ряде районов страны, в том числе и в тех, где мне предстояло работать. Лихорадила страну подготовка к принятию новой Постоянной конституции (принята 28 декабря 1970 г.) и к проведению выборов в Консультативный совет (начались 10 марта 1971 г.) – высший орган законодательной власти республики. Вскоре начался затяжной правительственный кризис, который в феврале 1971 г., в самый разгар моей полевой работы, завершился отставкой правительства Мухсина аль-Айни. У меня были причины жалеть об этом: премьер аль-Айни всегда деятельно поддерживал мои проекты по изучению истории и культуры Йемена и оказывал помощь в организации Национального музея и в поездке в Мариб.

Неустойчивое и неопределенное положение в стране затрудняло мои отношения с официальными лицами в Санае и особенно на местах. Тем не менее в начале декабря я приступил к выполнению научной программы.

Я увидел большую часть страны. Мне удалось обследовать памятники древности в районах, оставшихся недоступными европейским исследователям, дать историко-географическое описание некоторых областей Йемена, прежде известных только по названию. Маршруты обследований охватили территорию всех главных древнейеменинских государств. Собранный научный материал содержал фотографии, эстампажи и копии от руки более 400 надписей на камне, высеченных в период от IX в. до н. э. и до VI в. н. э., т. е. почти всех периодов истории древнего Йемена. На историко-археологическую карту удалось нанести десятки неизвестных раньше названий. Среди обнаруженных впервые исторических памятников – руины городов, крепостей и храмов.

Я рассказываю в этой книге только о двух поездках. Мне кажется, они могут дать представление о древностях Йемена и о совершенно неповторимых условиях работы историка в этой удивительной стране. Но я все же не оставляю надежды описать обстоятельства моих поездок в 1966–1967 и в 1970–1971 гг. и в другие районы Йемена, которые еще и сегодня считаются малоизвестными и труднодоступными. Весной 1974 г. вместе с моим товарищем по работе я про-

ехал многие сотни нелегких километров по древнему Хадремауту и увидел восточное побережье Аравии. Может быть, я когда-нибудь расскажу и об этом.

В Йемене я понял, как нелегко увидеть чужую страну, приехав в нее, как трудно понять то, что видишь, каких усилий стоит не потеряться в омуте впечатлений и не прожить зря рядом с необычным. Мне помогло мое призвание историка. В конце концов ведь именно увлечение историей Йемена открыло мне страну и людей, а находки исторических памятников, важных для восстановления прошлого Счастливой Аравии, царства Савского, а попросту Йемена, сделали мою вполне заурядную поездку и обстоятельства, ей сопутствовавшие, интересными для ученых, лишний раз показав, сколь неисповедимы бывают пути науки.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ТРАНЗИТНЫЙ ПАССАЖИР	15
В ДОМЕ ПОД ЭВКАЛИПТАМИ	68
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ БУДНИ В ТАИЗЭЕ	76
В ПОИСКАХ АРХАВСКОЙ СКАЛЫ	85
НАЧАЛО: ЧУРИН ГОВОРИТ «ЛАДНО»	85
ВОРОТА В ЦАРСТВО САВСКОЕ	115
НОЧЬ В ХАМИРЕ	124
НАИТ БЕЛОКАМЕННЫЙ	132
ПРОЩАЙ, СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ!	157
ДОМА	165
ЧЕРЕЗ ТРИ ЦАРСТВА И ОБРАТНО	167
МЫ ЕДЕМ В МАРИБ	167
НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ У ЗИБИНА	173
СИНВАНСКАЯ КРЕПОСТЬ	181
В ДОЛИНЕ ЧЕРНЫХ РАБОВ	188
К ГРАНИЦАМ ДРЕВНЕГО МАИНА	192
СТРОКИ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ КОНЦА VI В. ДО Н. Э.	199
ДОЛИНА ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ	202
ПО СЛЕДАМ РИМСКОГО ЛЕГИОНА	212
БАРАКИШ	223
ДВА ЧАСА В СТОЛИЦЕ МАИНСКОГО ЦАРСТВА	242
ОАЗИС НА ПЕРЕПУТЬЕ	252
ПО СЛЕДАМ ГАРРИ СЕНТ-ДЖОНА БРИДЖЕРА ФИЛБИ	257
НА РАЗВАЛИНАХ АРАРАТА	265
В МАРИБЕ	278
ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ В ДОЛИНЕ САБА	290
ВОЗВРАЩЕНИЕ	311

Петр Афанасьевич Грязневич
В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ
Йеменские репортажи

Редактор А. А. Кожуховская. Младший редактор Л. А. Добродеева.
Художник В. Захарченко. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор М. В. Погоскина. Корректор Т. А. Алаева.

ИБ 13408

Сдано в набор 8/IV 1977г. Подписано к печати 8/XII 1977 г. А-03013. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 10,75 + 0,125 п. л. вкл. Усл. п. л. 18,27. Уч.-изд. л. 18,21. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4048. Зак. № 1655. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-35, ул. Жданова, 12/1
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарский, 16